

Арсений Замостьянов

КАЛИАКРИЯ — КРАСОТА ПОБЕДЫ!

Подвиг святого адмирала

*Портрет Фёдора Фёдоровича
Ушакова*

Адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков, подобно Суворову, не знал поражений — при том, что десятилетия отдал учениям и боям. Русский архистратиг не уставал восхищаться подвигами морского медведя. Когда австрийский офицер в докла-

де однажды упомянул «адмирала фон Ушакова», Суворов резко его прервал: «Возьми себе своё «фон», а русского адмирала, героя Калиакрии и Корфу, изволь величать Фёдором Фёдоровичем Ушаковым!». Возмущение Суворова понятно: Ушаков был, что называется, из перерусских русским, манерами напоминал простолюдина и держал себя вовсе не как аристократ-космополит. В те годы немногих блестящих русских аристократов можно было часто встретить в храме Божьем. Богомольный Ушаков, как и Суворов, слыл исключением из правил.

Уникальный флотоводец, единственный в русской истории! Но даже из блистательной череды его побед Калиакрия выделяется. Это морское сражение заметно повлияло на ход русско-турецкой войны, закрепило всемирную славу русского Черноморского флота, стало решающим в кампании. Османская империя после Калиакрии прояви-

ла уступчивость, пошла на мирные переговоры, закончившиеся Яским миром. И если эта дата подзабыта, нам стоит постыдиться, потому что Калиакрия — звёздный час Черноморского флота. Увы, в годы противостояния с Наполеоном, когда Фёдор Фёдорович пребывал в отставке, в России недооценивали значение флота и в известной степени растеряли победные традиции. Да и о Калиакрии вспоминали нечасто. Артиллерия, кавалерия, пехота — вот кто сломил нашествие двенадцати языков. А сильный военный флот, как представлялось императору Александру, не слишком нужен империи. Горький урок Крымской войны показал опрометчивость такого отношения к флоту. Держава, растянувшаяся на целый континент, не может себе позволить забывать о морях. Пётр Великий и Потёмкин создали русское флотское могущество — на Балтике и Чёрном море. А как иначе могла империя обезопаситься от посягательств самых назойливых противников — Швеции и Турции?

Это было в 1791-м году.

Мыс Калиакрия (Калиакра) расположен в Болгарии, в переводе с греческого его название означает «красивый мыс». Он хорошо известен знатокам тамошних курортов: до Золотых Песков и Албены отсюда рукой подать. Тонкий мыс — неспроста болгары называют его «носом» — на два километра

врезался в море. Для болгар Ушаков — православный святой и герой-освободитель. Битву при Калиакрии болгары считают прологом к освобождению от османского ига.

Именно там сосредоточились турецкие корабли, битком набитые войсками. В помощь турецкой эскадре подоспело подкрепление из Африки. Предводительствовал «африканскими» кораблями искусный флотоводец Сеит-Али — выходец из Алжира, весьма амбициозная личность. Победитель итальянского флота! Он спланировал своих моряков горделивыми заявлениями, в которых клялся жестоко проучить русского Ушака-пашу. «Я приведу его в Стамбул, закованного в цепи! Стану возить его по городу в клетке!» — кричал алжирец. Нет, он не был безумным горлопаном и хвастуном. Тут можно разглядеть психологический расчёт: громкие угрозы возвращали уверенность в собственных силах «воинам Аллаха», которые после нескольких поражений стали побаиваться Ушакова. Турецкие полководцы старательно поддерживали в войсках огонь религиозного фанатизма.

Огромный османский флот шумел у болгарских берегов. Командующим оставался капудан Гусейн-паша, уже не раз битый Ушаковым, но честолюбивый Сеит-бей не подчинялся никому, кроме султана. Единственная у турок не было.

В распоряжении Гусейн-паши находились и береговые укрепления с артиллерией. Но главное — 18 линейных кораблей, 17 фрегатов, «вооружённых до зубов». 1600 пушек на крупных кораблях. А ещё — 43 вспомогательных корабля, также неплохо вооружённых. Сила весьма внушительная по тем временам. Непрístupная крепость на море. Пока турецкий флот и береговые батареи оставались единым кулаком, эта сила была неуязвима.

Признаём: то были не лучшие годы Блистательной Порты. Туркам непросто было удержать в подчинении громадную территорию, завоёванную во времена воинского расцвета османов. Россия теснила Турцию. Но не будем преуменьшать могущество турецкого флота. И в строительстве кораблей, и в воспитании моряков им помогали европейские союзники, прежде всего — Франция. Качествам турецких кораблей русские моряки могли бы позавидовать... Турецкие суда были быстроходнее, манёвреннее. Оставалось предъявлять собственные козыри, и они у Фёдора Фёдоровича имелись: решительность, смелые решения, быстрота, блестящая подготовка артиллеристов, умелые действия моряков в ближнем бою. Фёдор Фёдорович был истинным воспитателем армии, моряки ушаковской школы были чудо-богатырями.

Потёмкин понимал, что схватка с превосходящими силами турок может трагически закончиться для бесстрашного русского адмирала. «Молитесь Богу! Господь нам поможет, положитесь на Него; ободрите команду и произведите в ней желание к сражению. Милость Божия с вами!», — писал он Фёдору Фёдоровичу, своему любимцу. Конечно, это наставление было излишним: Ушаков и без Потёмкина и не только во дни роковых испытаний был искренне богомолен.

Долго ли, коротко, нужно было возвращать России власть над Чёрным морем. Эскадра Ушакова состояла из 18 линейных кораблей, двух фрегатов и 19 вспомогательных судов. Меньше тысячи орудий! По сравнению с турецкими силами — почти пустяк. Оставалось уповать на суворовский принцип: побеждай не числом, а умением. А ещё — на неразбериху, которая возникнет в турецких рядах, если удастся удивить, оглушить противника.

И Ушаков, завидев турецкую эскадру, решился на быстрый натиск, не проявляя уважения к сложившимся правилам. Турки, наблюдая приближение русских, поначалу даже не поверили, что Ушаков отважится на атаку.

А Ушаков даже не перестроил корабли в линию нападения, как того требовали традиционные предписания. Русский контр-

*Победа русской эскадры
над турками у мыса Тендра*

адмирал спешно провёл корабли тремя колоннами между берегом и турецкой эскадрой — под огнём береговых батарей. Если бы турки готовы были встретить незваных гостей, русским морякам пришлось бы отступить. Но они и представить себе не могли, что Ушаков решится на безрассудно смелую атаку. Проспали русский манёвр турецкие артиллеристы. «Прибавить парусов!» — приказывал Ушаков, предчувствуя кровавый бой с главными силами турок. Он добился своего: на турецких судах уже царил паника, Сеит-Али потерял контроль над кораблями... Они не успели чётко построиться в линию баталии, не успели организовать артиллерийский отпор.

Перетерпев первое — внезапное — нападение русских, алжирец попытался перестроить кораб-

ли для контратаки, поймать ветер. В отличие от Гусейна, алжирец преодолел замешательство первых минут боя и оставался опасным противником. Ушаков прочитал этот замысел противника — и на собственном флагмане «Рождество Христово» атаковал алжирца. В третий раз в этом сражении Ушаков забыл о правилах морского боя. Вышел из линии, бросился в атаку с одной целью: лишить турок «голова». В этом эпизоде не потерял выдержки один из лучших учеников Ушакова — командир «Рождества Христова» капитан первого ранга Елчанинов.

Сохранилась легенда: в ближнем бою Фёдор Фёдорович крикнул противнику: «Эй, Сеит-Али, бездельник! Я отучу тебя давать хвастливые обещания!». Слишком это романтично, чтобы быть правдой, но

русских разведчиков в Турции во времена Потёмкина хватало, и Ушаков вполне мог знать о нахальных заявлениях алжирца.

В часовом бою сказались качества русских моряков ушаковской выучки — их доблесть и точность.

И вскоре корабль храброго Сеид-Али потерял паруса, палуба его запылала, и он был вынужден отступить. Самого Сеид-Али, окровавленного, внесли в каюту. Поражение алжирца предопределило крах турецкой эскадры. Но и ушаковский флагман «Рождество Христово» попал в отчаянное положение: корабль окружили четыре турецких корабля. Ушаков рвался в гущу боя, атаковал. «Рождество Христово» поддержали другие корабли, и от полной катастрофы турок спасла только надвигающаяся буря. Ушаков писал Потёмкину: турецкий флот был «весьма разбит, замешан и стеснён так, что неприятельские корабли сами друг друга били своими выстрелами».

Турки в ужасе отступали к Константинополю. Увы, французские корабли были быстроходнее, Ушаков не мог догнать их, чтобы выкорчевать недорубленный лес. И Фёдор Фёдорович занялся ремонтом своей эскадры. Через два дня залатанные русские корабли были готовы к новым сражениям, о чём и докладывал Ушаков Потёмкину.

В огненном аду Ушаков не потерял ни одного корабля.

В сражении погибли и получили тяжёлые ранения 45 русских моряков. Только на одном турецком корабле — на флагмане Сеит-Али — раненых и убитых насчитывалось в десять раз больше.

«О, великий! Твоего флота больше нет!» — докладывал алжирец султану. В Стамбуле с ужасом принимали израненных, испуганных моряков. Сеит-Али был арестован, Гуссейн-паша и вовсе посчитал за благо исчезнуть. Султан всерьёз опасался, что Ушаков повернёт эскадру на Стамбул и тогда горе великой империи. Пришлось Турции стать сговорчивее — и Ушаков побывает в Константинополе уже после начала мирных переговоров. Не в клетке, но во главе эскадры. И турки будут поражены кротким нравом русских матросов, дисциплиной и воинской сноровкой.

Григорий Александрович Потёмкин в те дни тяжело болел. До подписания Ясского мира он не доживёт. С волнением он следил за походом своего любимца, своего флотоводца-победителя. Калиакрия стала последним торжеством всемогущего князя Таврического — победа, красивая, как Чёрное море. «Турки даже не знают, куда девались рассеянные их корабли; многих бросило на анатолийский берег. Шесть судов вошли ночью в Константинопольский канал весьма повреждённые. Адмиральский корабль тонул и просил помощи. Пушечными их выстрелами встревожен сул-

ИСТОРИЯ

тан и весь город. Днём султан увидел разбитые их корабли без мачт со множеством убитых и раненых», — торжествовал князь Таврический в письме к императрице.

Потёмкин постарался: за Калиакрию и Ушакова, и его офицеров наградили щедро. Фёдор Фёдорович получил орден св. Александра Невского, полтора десятка героев — Георгия и Владимира второй и третьей степеней.

Мы по праву называем славного адмирала «Суворовым русского флота»: Ушаков был воспитателем, отцом-командиром для офицеров и матросов. Фёдор Фёдорович произвёл революцию в тактике морских сражений, ломал шаблоны, выбирая кратчайший путь к победе, удивляла современников набожность Ушакова. Наконец, Ушаков, прослужив с оружием в руках четыре десятилетия, остался непобедимым. Как это по-суворовски!

Всю жизнь он служил на флоте и не был воспитан Суворовым. И всё-таки Ушаков — ярчайший ученик Суворова.

А новаторские ходы, которые Ушаков применил при Калиакрии, усердно усвоили величайшие флотоводцы мира. Адмирал Горацио Нельсон, восхищавшийся Ушаковым, семь лет спустя, при Абукире, будет атаковать французские корабли и со стороны берега, и с моря. Повторит он тактику Ушакова и ещё через семь лет, при Трафальгаре.

Несгибаемый в дыму сражений, Ушаков в жизни оставался скромным, смиренным человеком. И общество долго его недооценивало. У величайшего флотоводца не было первых степеней орденов Св. Георгия и Св. Владимира. Его не произвели ни в князья, ни в графы, ни в бароны... Для Ушакова не нашлось места ни на петербургском памятнике императрице Екатерине и великим деятелям её эпохи, ни на новгородском монументе, посвящённом тысячелетию России — и, увы, это никого не удивляло. Подвиги Ушакова не интересовали художников, поэтов. Да и военные историки не слишком усердствовали: упомяну лишь книгу Р. Скаловского, вышедшую в 1856-м году. Ушаков незаслуженно пребывал в тени славы других героев русской истории — до поры, до времени. Как ни странно, подлинная слава пришла к непобедимому адмиралу в XX веке.

...В начале 1944 года Наркомат Военно-морского флота СССР обратился к Сталину с предложением учредить ордена и медали Ушакова и Нахимова. Встал вопрос: кого поставить выше? В те годы и в армии, и в народе гораздо популярнее был Нахимов. Севастопольская эпопея и подвиг Нахимова по дореволюционной традиции считались (и вполне обоснованно!) апофеозом героизма. Но адмирал Н.Г. Кузнецов, хорошо знавший историю войн, понимал, что рядом с Ушаковым в исто-

рии русского флота просто некого поставить. Доводы Кузнецова убедили Сталина, и вождь СССР открыл дорогу учёным, художникам, писателям, кинематографистам для исследования и воспевания подвигов Ушакова. Даже в годы войны Верховный уделял время вопросу воссоздания портрета адмирала Ушакова. Михаил Михайлович Герасимов, изучив череп адмирала, представил свою версию портрета. Подключили к работе и экспертов из Академии художеств. Книги, картины, скульптуры...

Из многих изданий, посвящённых флотоводцу и вышедших после 1944-го, выделим великолепный трёхтомник под редакцией Р.Н. Мордвинова, в котором жизнь и деятельность Ушакова показана подробно, на основе документов, и популярный исторический роман Леонтия Раковского, который во всех библиотеках СССР был вдрызг зачитан мальчишками. Ну, и вершина славы — кинодиалогия Михаила Ромма: «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы». Ушаков — Иван Переверзев! Этот актёр всю мощь своего таланта посвятил флоту: он играл главную роль в фильмах «Иван Никулин — русский матрос», а ещё были моряки в фильмах «Домой», «Повесть о «Неистовом», «Мичман Панин», «Сокровище республики», «День ангела»...

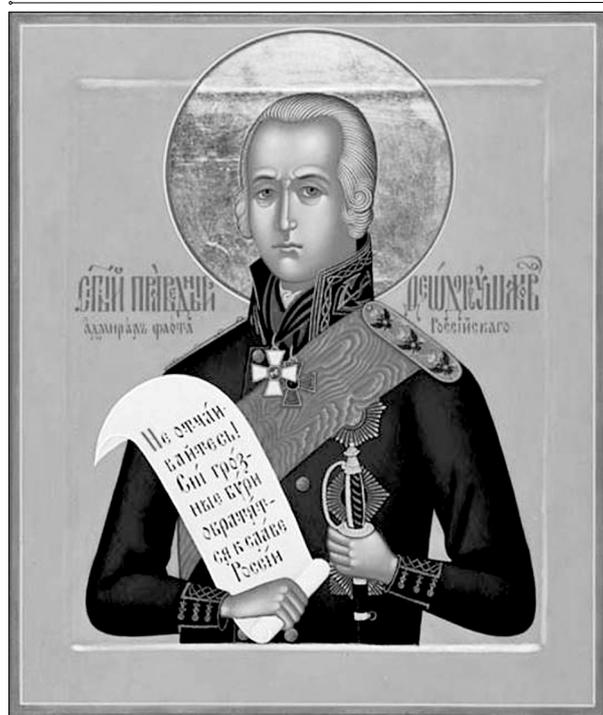
Но коронной ролью стал для Переверзева именно Ушаков — русский морской медведь, непобедимый и кроткий, сильный и милосердный. А ведь он играл именно «праведного воина», обратите внимание на глаза Переверзева в роли Ушакова, на внимательный, сострадательный взгляд.

После переверзевского «Отменно!» Ушаков навсегда занял заслуженное место в сонме сокровенных героев Отечества, известных всей России. Отныне Ушакова любят и почитают. Кто знает, случилось бы без этого фильма чудо канонизации Ушакова как местночтимого святого Саранской и Мордовской епархий в 2001-м году? Режиссёр Михаил Ромм относился к этой своей работе несколько пренебрежительно, как к обременительному заказу. А получилось чудо — нестарееющее полотно...

Многим памятен октябрь 2004-го, когда Архиерейский собор Русской православной церкви причислил Ушакова к общецерковным святым в лике праведных. Праведный воин Феодор Ушаков — небесный покровитель военно-морского флота и стратегической авиации России.

Долго можно говорить о скромности непобедимого адмирала. Ведь даже портретов Ушакова толком не осталось. Мы судим о его внешности по герасимовской попытке

ИСТОРИЯ

*Икона святого праведного адмирала
Фёдора Ушакова, основателя
российского Черноморского флота*

восстановить лицо по черепу, да по тому же Переверзеву, чей образ повторяют современные памятники Ушакову. Не воспевали адмирала и поэты. Державин однажды упомянул Фёдора Фёдоровича в примечаниях к стихам и только.

Ушаков не беспокоился о громкой славе. Святой адмирал...

Подвиги, одиночество, праведность, забвение, слава, икона — таков путь воина, начертанный свыше. Воистину неповторимый путь.